

Матросы революции

Д. Сизов

О всех событиях, свидетелем и участником которых мне довелось быть, в нескольких строках не расскажешь. И потому я остановлюсь на тех, которые на всю жизнь запечатлелись в моей памяти, отзвуки которых слышны в поныне.

...Тревожный семнадцатый год. Линкор "Император Павел I", на котором я служил, как и многие корабли Балтийского флота, зимовал в Хельсинском заливе. С самого начала года линкор наполнился каким-то тревожным ожиданием, до нас все настойчивее доходили слухи о готовящейся революции. Команда сжалась, как огромная пружина, готовая в любую минуту выпрямиться и смести со своего пути любое препятствие.

Вечерами свободные от вахты матросы собирались в группы и до поздней ночи вели разговоры о назревающих событиях. Все чаще слышались возгласы наиболее нетерпеливых товарищей: "Чего ждем! Кто-то должен же начинать!" Но подпольщики, члены большевистской партии, умело сдерживали эти порывы, объясняя нам, что начинать еще не наступило время.

Бурная революционная пора пришла на наш корабль с начала весны. Как сейчас помню вечер 3 марта, команда смотрела фильм. /Командование флота всячески старалось отвлечь

нас от происходящих событий и занимало наше свободное время всевозможными мероприятиями/

Никогда, наверное, не было такой тишины в жилой палубе: ни взрывов смеха, ни соленых шуточек, которыми обычно сопровождались фильмы, - матросы смотрели молча, то и дело поглядывая на сходни. С минуты на минуту должны были вернуться наши товарищи с заседания в Хельсинках. С их приходом должно было начаться то, чего с большим нетерпением ждал каждый из нас. Вот, наконец, и они. На палубу спустились наши посланцы: Дыбенко, Корнев, Котов, Комаров, Чистяков. На их торжественно сосредоточенных лицах мы прочли долгожданное решение.

- Ну, братцы, пора! - я не помню, кто выкрикнул эти слова, может быть, они прозвучали только в нашем подсознании, но все разом вскочили и бросились к сходням.

- В чем дело, скоты? Смирно, стоять! Я Вас... - Но на этот раз старшему офицеру корабля Яновскому не удалось закончить длинную тираду отборной брани и проклятий. Удар тяжелого аварийного ключа, оказавшегося в руках одного из матросов, заставил его замолчать навсегда.

Через некоторое время самые ненавистные нам офицеры были убиты, а остальные арестованы. Мы стали полными хозяевами корабля. По заранее намеченному плану на все корабли флота были отправлены сообщения о том, что линкор "Император Павел I" перешел на сторону революции. Мы слали призывы командам кораблей, но в ответ получили лишь радиограмму из штаба флота, в которой нам приказывали прекратить мятеж, в противном случае по линкору откроют огонь все корабли флота. Создавалась напряженная обстановка, каждый из нас понял, что это затравка и в любую минуту может завязаться бой.

И на этот раз решающее слово осталось за большевиками. Раздалась команда: "Зарядить орудия"! Матросы, как никогда, четко выполнили приказ, и корабль был приведен в боевую готовность. Одновременно на соседние корабли были посланы делегации. Один за другим корабли переходили на сторону революции, а к утру восстал весь флот. Только штабное судно "Кречет" молчаливо прижалось к пирсу, ощетинившись стволами пулеметов. Около 300 офицеров штаба во главе с командующим флотом вице-адмиралом Непениным не хотели сдаваться "взбунтовавшейся матросне". Тогда экипажи сошли с кораблей и решили захватить штаб силой. Огнем и свинцом встретил командующий своих матросов. Но когда на "Кречет" были наведены орудия близстоящих кораблей, вице-адмирал вынужден был сдаться.

Первыми на штабное судно ворвались матросы нашего корабля. У командира линкора "Император Павел I" с адмиралом были старые счеты. Матросы не забыли февраль 1916 года, когда только лишь за то, что команда отказалась есть суп из тухлого мяса, по приказу командующего с корабля было списано и отправлено на фронт более 200 человек, а многие из наших товарищей исчезли бесследно. Не забыли матросы, как царский выкормок издевался над ними.

Царский адмирал - монархист Непенин был убит, как был свержен монарх. Флот полностью стал на стороне революции. Матросы срывали царские знаки различия, на кораблях избирались судовые комитеты. На нашем линкоре, переименованном в "Реснублику", в судовой комитет были избраны самые уважаемые матросы, члены большевисткой партии и беспартийные большевики, как в шутку называли

себя старые "морские волки", которым царский режим "переел шею". Старший машинист корабля – председатель комитета Корнев, члены комитета рядовые матросы Котов, Комаров, Чистяков стали во главе нашего корабля. Председателем Центробалта /Центрального комитета Балтийского флота/ был избран член большевистской партии с 1912 года, рядовой матрос нашего корабля Павел Ефимович Дыбенко.

Теперь флотом командовали близкие нам и уважаемые нами люди. Матросы понимали это, и приказы Центробалта выполнялись быстро и беспрекословно. Но флот еще не мог обходиться без офицеров царской школы, и наиболее сознательным из них доверялось командование кораблями. Так, старый командир нашего корабля капитан первого ранга Дмитриев был назначен командиром дивизиона эскадренных миноносцев, а командиром нашей "Республики" по требованию команды, был назначен бывший помощник капитана, списанный с корабля в 1926 году за "историю с супом", капитан третьего ранга Затурский.

Началась новая служба, но матросы понимали, что Февральская революция и образовавшееся временное правительство, толкавшее Россию на продолжение войны до победного конца, это не финал революции, а только одна из ее стадий. Особенно это чувствовалось на нашем корабле, исстари славившимся "бунтарским духом". Члены судового комитета и команда поговаривали о том, чтобы отправиться своим ходом на помощь Кронштадту. О настроении на корабле видимо стало известно в ставке временного правительства и оно решило провести с нами "оздоровляющее мероприятие".

И вот в начале июля команда была выстроена на

верхней палубе. На линкор должны были прибыть представители временного правительства. На корабль поднялась группа людей - в военной и штатской форме, впереди которой вышагивал какой-то сухопарый господин с обезобразно большим носом и ушами, которые, казалось, шевелились на ходу. Господин был одет в наглухо застегнутый английский френч, непомерно широкие галифе и хромовые сапоги, туго обтягивающие кривые ноги. Это был Керенский.

С первых слов Керенского по рядам матросов прокатился недовольный шум, который нарастал, то и дело переходя в пронзительный свист. Наши ребята умели это делать. Много разной эсеровской нечисти провожали мы с корабля под свист и улюлюканье.

- Немецкие шпионы... Война до победного конца... Трусы... - до пены у рта, стараясь перекричать команду, ревел зарвавшийся оратор. Неизвестно, чем бы кончилось это его выступление, если на корабле не появилась А.М. Коллонтай. Кто из нас не слышал в то время об этой изумительной женщине - пламенном борце и пропагандисте ленинских идей. Дочь царского генерала, Александра Михайловна навсегда связала свою судьбу с судьбой многострадального народа, избрав тернистый путь революционера-подпольщика.

Как только раздался ее сильный, приятный голос - на палубе все смолкло. С первых слов Коллонтай обрушилась на политику временного правительства, с предельной ясностью объясняя нам его лживую сущность. Под хлесткими ударами ее слов Керенский бежал с корабля. Коллонтай

одобрила нашу революционную настроенность, к месту указав на то, что выступать еще не время.

После ее отъезда на "Республике", да и на всех кораблях Балтийского флота, началась тайная подготовка к Октябрьской революции. Временное правительство, почувствовав угрозу со стороны Балтийского флота, старалось занять корабли, посылая их во всевозможные экспедиции. Так, наш линкор вместе с миноносцами был направлен к берегам Швеции, к местечку Лапвик, якобы на охрану прифронтовой полосы. Где мы и провели около трех месяцев, занимаясь ловлей рыбы, пока нас не отозвали в базу.

С нашим приходом в базу на кораблях начали составляться списки, в которые включались проверенные и наименее занятые на корабле матросы. Потянулись дни томительного ожидания, но вот где-то в октябре по приказу Центробалта нас погрузили в теплушки и повезли в Петроград. К нашему приезду Питер был наводнен солдатами и матросами, которые колоннами направлялись к Смольному и, получив задание, шли в бой.

Революция, а затем гражданская война захлестнули меня и носили по просторам революционной республики до 1923 года. За это время мне пришлось бить Деникина, Врангеля, в органах ВЧК сражаться со всевозможными бандами, пока не вернулся на флот, где был зачислен в экипаж эсминца "Изяслав". С "Изяслава" я, как и многие мои одногодки, был демобилизован и вернулся к мирной жизни.